

М.Е. Проскурякова

**ВЫБОРГСКАЯ ПРОВИНЦИЯ ПОСЛЕ
НИШТАДТСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА (1721):
ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКИХ
ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

В представленной статье проанализирована фактическая деятельность российских военных властей в регионе Карельского перешейка и их взаимодействие с местным населением после подписания Ништадтского мирного договора. Исследование проведено на основании систематизации данных из Журнала входящих бумаг Выборгской провинциальной канцелярии за 1724 г. В контексте истории архивов выборгских учреждений Журнал является уникальным источником для реконструкции повседневных занятий региональных структур. Выборгская канцелярия обеспечивала связь между петербургскими и местными институтами власти, а также между чиновниками и провинциальными обывателями. Изучение Журнала позволило установить образ действий российских властей при получении жалоб и прошений от жителей Выборгской провинции. Дело о возвращении выборгскому мещанину дома, занятого под канцелярию и конторы, казус о возведении новой кирки для жителей пограничных деревень и избрании пастора, а также обращения горожан за разрешениями на переезд в Швецию находятся в числе выявленных и проанализированных случаев взаимодействия государственных агентов и обывателей.

Ключевые слова: Северная война, военная администрация, гражданское население.

М.Е. Proskuryakova

**PROVINCES OF VYBORG SUBSEQUENT TO THE NYSTAD
PEACE TREATY (1721): THE ISSUE OF INTERACTION
BETWEEN THE MILITARY AUTHORITIES AND CIVIL POPULATION**

The actual activities of Russian military powers in the region of the Karelian Isthmus and their interaction with locals subsequent to the signing of the Nystad Peace Treaty are under the study in the presented article. The research is conducted on the basis of systematization of the data from the Journal of Incoming Papers of the Vyborg Provincial Chancellery for 1724. In the context of history of the archives of the Vyborg institutions the document appears unique source for investigation of every day occupations of the regional structures. The Vyborg provincial chancellery provided the connection between St Petersburg and local authorities, as well as between officials and population of the Vyborg province. The examination of the information from the Journal allowed to trace the actions of Russian powers when they had been receiving complains and petitions from the inhabitants of the province. The episode on restitution of the house to Vyborg resident, which was taken for placing the chancellery

and offices, the situation on the building of new church for people from the border villages and electing of pastor, and the petitions of Vyborg inhabitants for giving to them permissions on moving to Sweden are in the set of revealed and analyzed cases of interaction of the state agents and civilians.

Keywords: the Great Northern War, military administration, civil population.

Взятие Выборгской крепости 13 июня 1710 г. стало одним из ключевых событий Северной войны (1700–1721). Переход Выборга под власть царя отнюдь не вел к немедленному завершению вооруженного противостояния между Российским государством и Шведским королевством. Однако приобретение крепости позволило войскам Петра Великого закрепиться на Карельском перешейке и спустя два года начать операции в Финляндии. Вплоть до подписания мирного договора между странами в 1721 г. статус Выборга, а равно и иных прибалтийских крепостей не был определен. Крепость располагалась на территориях, оккупированных в ходе военных действий. Оставалось неясным, в состав какого государства она войдет по окончании войны. И в то же время в действиях, предпринимавшихся Петром Великим, читается неизменная решимость сохранить Карельский перешеек в составе России. Переход Выборга, а также Кексгольма в российскую юрисдикцию виделся Петру безальтернативно. Отсюда проистекала готовность царя без промедления приступить к созданию новых институтов власти в Выборге и включить его в структуры, общие для всего Российского государства.

Необходимо отметить, что 1710–1720-е годы сложны для изучения истории России. В это время шла трансформация всей системы управления страной. Преобразования происходили в области административного устройства, органов центральной власти, местных институтов. Только за период с 1710 по 1719 г. административное деление изменялось трижды. Петр Великий и его ближайшее окружение искало форму для наилучшего устройства территорий, унаследованных царем от предшественников, а также земель, отвоеванных у шведов. Итак, несмотря на долгое отсутствие мирного договора со Швецией, в Санкт-Петербурге было принято решение распространить областную реформу на земли Карельского перешейка. И 29 мая 1719 г., в день провозглашения императорского указа об учреждении провинций, крепости Выборг и Кексгольм с уездами стали частью новой административной единицы¹. Действие это было заведомо политическим актом, так как принадлежность Старой Финляндии оспаривалась не только Швецией, но и другими странами².

Неудивительно, что в отличие от иных российских регионов, где главами провинций стали воеводы, власть в Выборге передали обер-коменданту. Им стал бригадир Иван Максимович Шувалов. Также установлено, что, заняв эту должность, И.М. Шувалов получил исключительные по своей обширности полномочия. Он взял на себя ответственность одновременно и за гражданское администрирование, и за командование частями гарнизонных войск. Решение оказалось predetermined присутствием в регионе тысяч военнослужащих, обеспечивавших его безопасность. В самом Выборге стояли три гарнизонных полка, в Кексгольме — батальон, также в обеих крепостях находились команды артиллерийских служителей³. Помимо них в Выборгской провинции были постоянно размещены части полевой армии, как правило, два полка. Кроме того, для службы на заставах и по границе присутствовали две-три роты драгун из полков, расквартированных в других провинциях. Таким образом, основной функцией выборгского обер-коменданта и приданных ему в помощь комендантов Выборгской и Кексгольмской крепостей и чиновников гражданского ведомства видится согласование действий для обеспечения названных воинских частей и команд всем необходимым. Однако о фактической деятельности русских властей в регионе и их взаимодействии с местным населением известно крайне мало.

Дело в том, что архивы местных учреждений Выборга практически полностью утрачены. Так, архив Выборгской провинциальной канцелярии времени становления российской власти в регионе Карельского перешейка представлен всего восемью делами, которые находятся на хранении в Финляндии — Национальном архиве (два дела за 1722 и 1724 г.)⁴ и Провинциальном архиве г. Миккеле (шесть дел за 1721–1738 гг.)⁵. Из числа дошедших до нас документов Выборгской канцелярии наибольший интерес представляет Журнал входящих бумаг 1724 г. из фондов Национального архива Финляндии. Журнал включает краткие аннотации о документах, поступивших в канцелярию со 2 января по 31 декабря 1724 г., а также копии помет (резолуций), сделанных на оригиналах названных документов⁶. Всего Журнал содержит 2290 записей, абсолютное большинство которых фиксирует факт поступления отчетных документов, составленных комендантами крепостей, командирами местных воинских частей, провинциальными чиновниками, а также представителями городского самоуправления. В Журнал, кроме того, включены записи об указах, поступавших в провинцию из центральных учреждений. Массив информации такого рода позволяет очертить спектр полномочий и повседневных занятий местных военных

властей и установить степень их вовлеченности в жизнь гражданского населения региона. В целом изучение названного источника — Журнала входящих бумаг — представляет попытку проанализировать работу администрации в одном из пограничных регионов в годы становления Российской империи, утверждения ее границ, формирования местных институтов власти и моделей взаимоотношений с гражданским населением, в том числе лицами, находившимися в подданстве другого государства.

При реконструкции структуры местных учреждений следует начать с описания тех задач, которые ставились государем перед главой провинции И.М. Шуваловым. Выборгский обер-комендант постоянно проживал в Санкт-Петербурге и являлся своего рода связующим звеном между государственными институтами и местными властями. Таким образом, находясь на высшей ступени в иерархии выборгских чиновников, И.М. Шувалов решал задачи управления регионом как будто бы извне. На основании анализа материалов Журнала можно заключить, что в своей повседневной деятельности обер-комендант уделял максимум внимания вопросам размещения и обеспечения вооруженных сил, определенных для службы в провинции. В течение месяца от выборгского обер-коменданта поступало в среднем десять писем, и лишь пятая часть из них относилась к делам гражданского администрирования. Единственной сферой, которая не касалась вопросов управления воинскими контингентами и в то же время регулярно удостоивалась внимания обер-коменданта, были мероприятия, направленные на выполнение таких указов правительства, как организация работ по заготовке строительных материалов, а также сбор работников из числа местных жителей для направления их на Сестрорецкие заводы или ремонт крепостей⁷.

Нельзя не отметить стремление обер-коменданта максимально дистанцироваться от прямого общения с жителями провинции. В одном из писем в Выборгскую канцелярию И.М. Шувалов требовал от обывателей соблюдения всех формальностей подачи жалоб. Запрещая просителям направлять прошения к нему в Санкт-Петербурге, бригадир настаивал на максимально точном исполнении процедуры обращения через канцелярию. Известно, что И.М. Шувалов получив от одного из выборгских мещан челобитную, переслал ее обратно в Выборг, сопроводив таким пояснением: «...чтоб мещана впредь к нему челобитен не присылали, а подавали в Выборгскую канцелярию»⁸. Однако необходимость поддержания мирных отношений с выборжанами в попытке удержать их от переезда в Швецию ставила обер-коменданта перед необходимостью действительной защиты

их интересов. Можно предположить, что удовлетворение просьб горожан, в первую очередь виборгских купцов и предпринимателей, и решение имущественных споров в пользу городских старшин рассматривалось российскими властями как долгосрочная инвестиция в будущее благополучие Выборга и экономическое развитие региона.

Согласно проведенным подсчетам лишь в единичных случаях письма И.М. Шувалова содержали распоряжения по личным обращениям виборгских мещан и провинциальных обывателей. Однако они все-таки встречаются в Журнале входящих бумаг. Наиболее заметными из них являются два распоряжения обер-коменданта по вопросу о возвращении виборгскому мещанину купцу Матиасу Пильсу помещений, которые оказались заняты под Выборгскую провинциальную канцелярию и другие конторы. Впервые обер-комендант написал о важности перевода канцелярии в другое здание 6 ноября и повторил свое распоряжение спустя десять дней — 15 ноября 1724 г.⁹ Из писем И.М. Шувалова следует, что переезд канцелярии на новое место, а именно в Выборгский шлосс (замок), был неудобен и сложен для местных властей. Помещения замка оказались не подготовлены, о чем И.М. Шувалов был осведомлен. В первом письме в канцелярию обер-комендант выражал надежду на возвращение М. Пильсу двора, отнюдь не будучи уверенным в осуществимости отданного распоряжения. Об этом письме сохранилась следующая запись: «Письмо брегадира и обор-каменданта господина Шувалова, по которому велено под канцелярии в Шлосторме очистить полаты, а где ныне канцелярии, надеется он, что отдадутся Матис Пильцу»¹⁰. Тем не менее в следующем послании в Выборг И.М. Шувалов подтвердил прежнее решение, разъяснив, что двор М. Пильса должен быть освобожден после «починки полат» в шлоссе и получения из Юстиц-коллегии указа о возвращении недвижимого имущества виборгскому мещанину¹¹.

И.М. Шувалов действовал в точном соответствии с требованиями указа от 15 июля 1723 г., поступившего в Юстиц-коллегию из Правительствующего Сената¹². Согласно ему, подлинные владельцы дворов и земель в Выборге получили право подавать в Юстиц-коллегию челобитные с просьбой о возвращении собственности. В ответ на прошение чиновники должны были освидетельствовать имущество и при наличии подтвердительных документов отдать его хозяевам. Издание указа явилось первым шагом на пути реализации одного из важнейших принципов мирного урегулирования — соблюдения интересов лиц, проживавших на территориях, ранее принадлежавших Швеции, но отошедших к России, а также лиц, имевших

владения в этих регионах. В 12-й статье Ништадтского мирного договора 1721 г. было провозглашено возвращение отданных или конфискованных во время войны местностей «их праведным помещикам»¹³. Там же сообщалось о намерении обеих сторон вершить «скорый суд» по прошениям законных владельцев¹⁴. По-видимому, паузу в два года между подписанием мира со Швецией и обнародованием указа от 15 июля 1723 г. можно объяснить медленным исполнением иных статей Ништадтского договора. Так, лишь 30 марта 1723 г. представителям России и Швеции удалось подписать договор о проведении границы между странами. Еще позднее, в июле 1723 г., шведский риксдаг признал право Петра Великого на титул императора и принял решение об утверждении Ништадтского мира. Думается, что только после демаркации границы и окончательного узаконения мирного договора шведской стороной у российских властей появилась возможность перейти к выполнению следующих статей названного договора, в том числе пункта о возвращении недвижимого имущества законным владельцам.

Из документов, отложившихся в архиве Сената, известно, что вышеупомянутый Выборгский житель Матиас Пильс, реализуя свое право на восстановление собственности, обратился с просьбой о возвращении ему «каменного двора со всякими угодьями» 16 июля 1724 г.¹⁵ В челобитной он дал подробное описание обстоятельств покупки здания, его стоимости и состояния. Из текста становится известно, что, приобретя 2 мая 1721 г. дом, ранее принадлежавший «любскому» купцу Гансу Гавеману, за 1200 ефимков, М. Пильс так и не смог поселиться в нем. Как оказалось, со времени взятия Выборгской крепости в 1710 г. здание было занято под конторы. Более того, мещанин опасался, что он уже никогда не сможет использовать дом из-за плохого состояния и даже ремонт, по мнению купца, был бесполезен. Вот что писал М. Пильс о доме и своем разорении: «...оной дом куплен за чистые деньги, которые уже в то ж время, как торг заключен, и заплачены сполна, однако ж оным домом мне поныне пользоваться было невозможно, для того что как оной дом, так и анбары все и погреба употребляются к высокой Вашего императорского величества службе с 710 году поныне и содержатца во оном доме ныне канцелярия и земская кантора и рентерей, також и таможня, отчего я не токмо приведен в великие убытки, ибо я принужден себе иной двор, где б жить, нанять, но и сверх того оной мой купленной дом приведен в такое состояние и всеконечное разорение ныне, понеже Вашего императорского величества употреблен не приправлен и не починиван, что и впредь оного починить едва возможно ль»¹⁶.

М. Пильс обращался к властям с просьбой компенсировать убытки за три года, прошедшие со дня покупки дома «у рингских ворот», когда тот был «употреблен к службе <...> императорского величества, зело разорен и розвалился»¹⁷. Ущерб он оценивал в 200 руб. Свое право на владение М. Пильс подтвердил купчей, а также свидетельством пяти бурмистров и ратманов Выборгского магистрата о сделке¹⁸. Все необходимые документы М. Пильс подал в Юстиц-коллегию, где право купца на дом не вызвало никаких сомнений. Уже 14 августа 1724 г. в коллегии приняли решение о передаче здания в распоряжение законного владельца, о чем, видимо, и был извещен выборгский обер-комендант¹⁹. Следовательно, направляя в Выборг распоряжения о возвращении дома М. Пильсу, И.М. Шувалов пытался привести в исполнение уже состоявшееся решение Юстиц-коллегии, хотя он, обладая сведениями о подлинной ситуации в крепости, выражал сомнения о возможности реализации указа. Опасения, высказанные И.М. Шуваловым, подтвердились лишь отчасти. До конца 1724 г. указ Юстиц-коллегии, действительно, не был исполнен. Однако уже 18 июня 1725 г., то есть через год после прошения М. Пильса, ему отвели «оной дом для житья»²⁰. Оставалась невыполненной лишь его просьба о компенсации убытков, вопрос о которых рассматривался в Сенате 21 июня 1726 г. Иск М. Пильса оказался удовлетворен, но сумма выплат была значительно меньше требуемой. Просителю следовало выплатить 45 руб. из казны за найм помещений его дома на срок с 14 августа 1724 г., когда было установлено право М. Пильса на владение домом, и по 18 июня 1725 г., день передачи ему двора. В то же время М. Пильсу отказали в выплате 200 руб. для ремонта здания²¹.

Принимая решение о компенсации убытков, петербургские чиновники опирались на 12-ю статью мирного договора, подчеркивая, что в ней ничего не говорилось о покрытии материального ущерба, понесенного владельцами недвижимого имущества. Следовательно, представители власти не были готовы к дополнительным издержкам и выплатам в пользу гражданского населения Выборга, ограничившись четким исполнением соответствующей статьи Ништадтского мира. Необходимо подчеркнуть, что скорость принятия решений и эффективность действий властных инстанций в случае с домом М. Пильса способны удивить исследователя, знакомого со спецификой деятельности центральных и местных органов власти в 1720–1730-е годы. Ярким примером волокиты и игнорирования проблемы в учреждениях Санкт-Петербурга являются оставшиеся без ответа обращения выборгского обер-коменданта об определении на службу

в провинцию нескольких чиновников для занятия вакантных позиций. В течение 1723–1731 г. И.М. Шувалов подал в Сенат десятки доношений об острой нужде в людях в конторах Выборгской провинции²². В первую очередь И.М. Шувалов обращал внимание центральных властей на отсутствие в регионе провиантмейстера и подьячих, которые должны были быть приданы ему в помощь. Обязанности названного чиновника многие годы выполнял местный камерир Яган Грове, которому к тому же были переданы обязанности рентмейстера²³. Местным институтам власти необходим, кроме того, был штат переводчиков и копиистов для осуществления текущей деятельности²⁴. Однако проблема с ними не решалась, несмотря на многочисленные свидетельства о неисправности в работе местных структур.

Следовательно, принятие положительного решения по прошению выборгского купца М. Пильса в течение месяца после его обращения должно свидетельствовать об исключительной значимости этого вопроса для петербургских властей. В целом изученный случай открывает возможность для реконструкции модели, избранной правительством в выстраивании отношений с городской верхушкой Выборга. Ее можно описать как строгое соблюдение условий Ништадского мирного договора и сохранение всех прежних привилегий выборжан при одновременном стремлении избежать лишних расходов для приобретения лояльности обывателей. Важно подчеркнуть также то, насколько избирательной могла быть система при принятии решений, когда прошение частного лица удовлетворялось почти немедленно, а доношения выборгского обер-коменданта оставались без решения на протяжении десятилетия.

Наиболее заметное участие институты российской военной власти играли в жизни выборгских мещан и провинциальных обывателей в тех случаях, когда последним необходимо было покинуть пределы Выборгской провинции. Они могли направляться в одну из провинций Российской империи или за границу. В Журнале входящих бумаг 1724 г. просьбы о выдаче разрешения на выезд из провинции являются самыми многочисленными из числа обращений выборгских мещан. Насколько можно судить на основании сохранившихся материалов, такие прошения содержали сведения о сроке предполагаемой поездки, месте, куда направлялся житель Выборга, цели путешествия, а также его просьбу о выдаче паспорта. В ряду заявлений такого рода находится, например, доношение от 24 января 1724 г. иностранца сапожника Югана Бака, который просил о выдаче проезжего письма до Санкт-Петербурга для двух его дочерей, Бриты и Марьи, направлявшихся, по-видимому, для поступления в услужение²⁵. Как следует из пометы (резо-

люции) на доношении, скопированной в Журнале, просьба отца могла быть удовлетворена в случае составления поручных записей за девиц и предоставления этих записей в Выборгскую канцелярию²⁶. Решение об отпуске дочерей Ю. Бака должен был принять лично комендант Выборга.

Сфера деятельности выборгского коменданта в полном соответствии с занимаемой им позицией в основном ограничивалась прямым командованием местными гарнизонными войсками. По-видимому, единственным исключением являлся осуществлявшийся комендантом контроль за передвижением гражданских лиц. В 1724 г. должность коменданта Выборга занимал Иван Карпов, и на его имя в Выборгскую канцелярию поступали следующие документы: 1) табели о штате служащих Выборгского и Кексгольмского гарнизонов²⁷; 2) рапорты об обучении солдатских сыновей в гарнизонных школах двух крепостей²⁸; 3) сведения о лицах, арестованных на заставах вблизи Выборга из-за отсутствия у них паспортов и проезжих памятей²⁹; 4) материалы о разрешении на выдачу и выдаче паспортов выборгским горожанам, направлявшимся в разные города России и Швеции³⁰. Получая прошение на выезд из города, И. Карпов должен был собрать информацию о том или ином лице и принять окончательное решение о его праве на поездку или переезд.

В тех случаях, когда выборгские обыватели хотели покинуть Выборг на неопределенный срок или навсегда, процедура была несколько сложнее, чем та, что описана выше. В материалах канцелярии сохранилось несколько десятков обращений выборгских обывателей, стремившихся переехать в Швецию к родственникам, а также родителей девиц, намеренных вступить в брак со шведскими подданными. Каждый раз, выдавая разрешение на выезд, чиновники Выборгской канцелярии направляли запрос в Выборгскую ратушу о наличии у лица долгов перед казной или частными лицами и его вероисповедании. Так, например, 4 февраля 1724 г. в канцелярию поступило сведение от бурмистров и ратманов Выборгской ратуши, которым сообщалось, что иноземка Анна Юрьева не приняла веры греческого исповедания, государственных и других долгов не имеет и «желает ехать к мужу своему Кристеру в Абов» вместе с сыном Симоном³¹. Наличие паспортов и проезжих памятей строго проверялось на многочисленных заставах, которые были расположены по дорогам, ведущим от Выборга к Санкт-Петербургу, Кексгольму и границе. Примерно раз в десять дней в Выборгскую канцелярию поступало сведение от выборгского коменданта И. Карпова, извещавшего о лицах, задержанных на заставах из-за отсутствия документов.

В целом во всем строе жизни Выборгской провинции начала 1720-х годов присутствует множество напоминаний о недавней войне и произошедшем разграничении земель. Как можно предположить на основании имеющихся сведений, одной из самых острых проблем для обывателей стала граница и разделение территории между двумя странами. В одних случаях граница отделила прихожан от кирок, которые они привыкли посещать³², в других — владельцев земельных участков от угодий (пашень, сенных покосов, нив, полей), ранее приписанных к их наделам³³. Каждый из эпизодов требовал от российских и шведских властей изучения ситуации и поиска совместного решения, удовлетворяющего интересам обеих сторон. Важно подчеркнуть, что положение провинциальных обывателей ухудшилось после демаркации. В начале 1720-х еще отсутствовал формальный запрет на переход границы, например для совершения религиозных обрядов, однако уже в 1724 г. он был введен в действие. 5 мая 1724 г. в Выборге был получен указ, по которому провинциальным обывателям воспрещалось ходить на богомолье в Швецию³⁴. Речь шла в первую очередь о посещении жителями двух пограничных кирх Выборгского уезда (кирхи Питер и Кирвус) — храмов, оказавшихся на территории соседнего государства. Кроме того, шведским духовным лицам было отказано в сборе «доходов» с крестьян, проживавших «с российской стороны», о чем шведским властям также было сообщено в начале мая³⁵.

Тем временем выборгским чиновникам приказали подобрать место для строительства нового храма в Питер кирхе и определить пастора для службы в нем³⁶. И если российским властям и местным жителям удалось без видимых проблем согласовать место для строительства кирки близ реки Вуоксы, кандидатура назначенного Святейшим Синодом пастора вызвала сильнейшее недовольство провинциальных обывателей и категорический отказ принять его посвящение в пасторы. Синод утвердил пастором Питер и Кирвус кирх выборжанина Ягана Свента³⁷, в то время как жители выразили свою уверенность в том, что они его «не желают, а желают выборгского старшего каплана Самуила Алапеуса, в чем они препозиту [Выборгской кирки Крестьяну Малортопиусу] и подписались»³⁸. Об этом решении провинциальных обывателей 13 августа 1724 г. сообщил комиссар названных кирх Свен Висинг³⁹. Немногим позднее, 17 августа 1724 г., от него и от старост Питер и Кирвус кирх поступила челобитная с просьбой о подтверждении выборгскими властями того выбора, который был сделан общиной, и определении пастором капеллана Алапеуса⁴⁰. Несмотря на то что сведения о решении вопроса остаются неизвестными, сам факт обращения

к официальным властям местных жителей представляется любопытным и свидетельствует о готовности обывателей к поиску понимания со стороны российских властей и последовательном давлении на государственных агентов с целью отстоять свое право на выбор подходящего кандидата для занятия места пастора и его избрание.

Изучая записи в Журнале входящих бумаг, нельзя не отметить своего рода нежелание обывателей принять новые реалии жизни в Финляндии, разделенной границей на российскую и шведскую части. Здесь интересы провинциальных обывателей и российских властей вступали в явное противоречие. Дело в том, что Выборгские военные власти проявляли особую заботу о сохранности пограничных знаков и строгом соблюдении правил пересечения границы в специально предназначенных для этого населенных пунктах. Местное население, напротив, очевидно игнорировало неприкосновенность знаков и границу. Известно, что в Выборгской провинции существовала особая должность пограничного комиссара, в обязанности которого входили осмотр границы и организация работ по ее восстановлению⁴¹. Помощь комиссару обеспечивали отряды драгун из числа расквартированных в провинции драгунских рот⁴². Примерно раз в две недели комиссар составлял отчеты о состоянии границы и направлял их в Выборгскую канцелярию. Именно из них становится известно о правонарушениях, совершаемых провинциальными обывателями. Местные жители рубили лес вдоль границы, «подсушивали» его, расчищали участки леса под поля, а затем засевали их рожью и яровым хлебом⁴³. После этого не оставалось ни просеки шириной в несколько метров, которая должна была идти вдоль границы, ни самих пограничных знаков. Причем уничтожение леса и подготовка земли под пашню происходили с обеих сторон границы. Таким образом, оказывалось неясным, где заканчиваются земли одного государства и начинается территория другого. Действиям провинциальных обывателей власти могли противопоставить лишь розыск и наказание виновных. Так, например, в мае 1724 г. были задержаны, признаны виновными «в рубке леса вблизи границы» и наказаны батогами жители Кексгольмского уезда Клементий Петан с товарищами⁴⁴. Другой мерой борьбы против нарушителей целостности границы стало широкое оповещение жителей о примененных к крестьянам наказаниях, «дабы другим рубить [было] неповадно»⁴⁵. Но, несмотря на предупреждение, на протяжении всего лета 1724 г. в Выборг приходили все новые известия о снятии черного леса и расчистках под пашню вдоль границы.

В целом на основании анализа бумаг, поступивших в Выборгскую канцелярию на протяжении 1724 г., удается не только реконструировать структуру местных институтов и порядок их взаимодействия после получения указов или обращения жителей провинции, но и выявить круг действительных обязанностей каждой из инстанций. Как правило, власти в пограничных регионах были вынуждены отказываться от принципов, действующих внутри страны, и во избежание конфликтов считаться с местным населением, сохраняя традиционные институты власти и привлекая уроженцев названных регионов к управлению. Учреждения такого рода действовали и в Выборгской провинции 1720-х годов. В ходе изучения структуры властных учреждений в Выборге после подписания Ништадтского мирного договора установлено, что повседневная деятельность выборгского обер-коменданта и комендантов двух крепостей во многом подчинялась интересам воинских частей и команд, расквартированных в регионе. Случаи вмешательства со стороны как главы выборгской провинции И.М. Шувалова, так и иных представителей военной власти в дела гражданского населения были крайне редки. Во всех выявленных эпизодах включение обер-коменданта в решение вопросов, затрагивающих исключительно гражданское население, объяснялось необходимостью организации жизни в новых реалиях, в составе иного государства. Обращает на себя внимание строгое следование законодательным нормам и готовность властей к скорому рассмотрению жалоб и прошений от местных жителей. По всей видимости, петербургские власти и военные и чиновники в Выборге были твердо убеждены в том, что эпоха Великого лихолетья и военного разорения завершилась и должна смениться такими отношениями с провинциальными обывателями, которые позволили бы избежать бунтов и переселения людей в Шведскую Финляндию.

* * *

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1830. Т. 5. № 3380. Именной указ, состоявшийся в Сенате, об устройстве губерний и об определении в оные правителей от 29 мая 1719 г. С. 701–703.

² Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 204–268.

³ Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII в. Петрозаводск, 2012. С. 22–39, 73–96.

⁴ Kansalisarkisto (далее — КА). Venäläisiä sotilasasiakirjoja (далее — VeSa). Viipurin linnoitus: Nrot. 2996; Sekalaisia asioita: Nrot. 1990.

⁵ Mikkelin maakunta-arkisto (далее — ММА). Viipurin provinssikansliavn arkisto (далее — VPA). Kirjeistö 1731–1736: Nrot 2–4; Ukaasit 1721–1738: Nrot 5–7.

⁶ КА. VS. Nrot. 1990. 417 s.

⁷ *Проскуракова М.Е.* Обер-комендант Иван Максимович Шувалов: Как управлялся Выборг из Петербурга // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 83: Петровское время в лицах — 2016: материалы науч. конф. СПб., 2016. С. 277–283.

⁸ КА. VeSa. Nrot. 1990. S. 239v.

⁹ Ibid. S. 354v, 360v.

¹⁰ Ibid. S. 354v.

¹¹ Ibid. S. 360v.

¹² РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 19. Д. 1234. Л. 177.

¹³ Ништадтский мирный договор, 30 августа 1721 г. // Под стягом России: сборник архивных документов / Сост. А.А. Сазонов, Г.Н. Герасимова, О.А. Глушкова, С.Н. Кистерев. М., 1992. С. 124–126.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ РГАДА Ф. 248. Оп. 19. Д. 1234. Л. 178–178 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 180.

¹⁹ Там же. Л. 202–203 об.

²⁰ Там же. Л. 203.

²¹ Там же. Л. 202–203 об.

²² РГАДА Ф. 248. Оп. 13. Д. 733. Л. 70–70 об., 137–137 об., 144–145 об., 182, 183.

²³ ММА. VPA. Kirjeistö 1731–1732. Nrot. 2. S. 460–461v.

²⁴ Ibid. S. 482v–484v.

²⁵ КА. VeSa. Nrot. 1990. S. 28.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. S. 3v, 31v, 38v, 125, 278v.

²⁸ Ibid. S. 3, 32.

²⁹ Ibid. S. 14v, 30v, 95v, 153v, 213–213v, 233v, 327v.

³⁰ Ibid. S. 12, 28v, 70v, 75, 102, 126v, 161, 208v, 249, 296v.

³¹ Ibid. S. 38v.

³² Ibid. S. 126v, 133v, 135, 138v, 164, 172v, 249–249v, 352v–353.

³³ Ibid. S. 320–320v, 356v.

³⁴ Ibid. S. 126v, 138v.

³⁵ Ibid. S. 135, 164.

³⁶ Ibid. S. 138v, 172v.

³⁷ Ibid. S. 249–249v.

³⁸ Ibid. S. 249v.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. S. 352v–353.

⁴¹ Ibid. S. 25, 34, 60v, 66v, 81, 102, 110, 123, 132v, 158v, 159, 183, 205, 206v, 208v, 323.

⁴² Ibid. S. 123.

⁴³ Ibid. S. 59, 147v, 205v, 206v, 212, 246.

⁴⁴ Ibid. S. 147v.

⁴⁵ Ibid.